

Александр АДАБАШЬЯН:

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ИДЕТ ДАВНО

— Я принадлежу к тем, наверное, процентам пяти журналистов, которым ваш «Азazel» понравился сразу и безоговорочно. И мне не очень понятен шквал не просто разносных, а не вполне чистоплотных публикаций — что-то насчет коллективного запоя на съемках в Праге...

— Забавно. А где это было напечатано?

— В Интернете появилось.

— Ну, в Интернете... Вообще я очень рад. Мне приятно, что есть люди, до такой степени любящие Акунина. Для них его книги — уже из разряда священных текстов. У нас ведь не умеют просто любить, дружат всегда против кого-то. Пусть подружат против меня.

— Мне понравилось смещение акцентов, которое у вас произошло. То есть выходит, что все российские беды как раз из-за того, что побеждают люди вроде Фандорина. А люди вроде леди Эстер проигрывают...

— Это как раз акунинская тема — что талантливые люди тут объединяются в тайные общества, антигосударственные или по крайней мере негосударственные. А бездари защищают режим. Ну, Фандорин-то не бездарь — он просто романтик, и его не устраивают методы, которыми леди Эстер спасает беспризорных детей. Там же тьма народа поубивали, чтобы сохранить тайну... Однако я на «Временах» у Познера, после премьеры, честно сказал: проблема беспризорности в России была решена потому, что ею занималась ВЧК. Это вам не теперешний вариант, когда создана комиссия, потом она создаст подкомиссию, потом подробно доложит, почему ничего не сделано (финансирования не хватает), а потом откроется один детский дом нового типа, на открытие которого приедет Путин или Путина. Тем дело и кончится. У ВЧК проблем с финансированием не было. Там говорили: надо. И делалось.

— Вы сейчас во Франции много работаете, насколько я знаю?

— Мне почти ничего не известно о судьбе моих французских проектов. Там остановилась картина про Ренуара по моему сценарию — единственная история из непоставленных, которую мне действительно жалко, потому что она была здорово придумана. Вообще непонятно, что там сейчас будет, — потому что, хотя победа Ширака с самого начала не вызывала сомнений, в июне парламентские выборы, и на них серьезные шансы у правых. Правительство радикально обновится. Идет всеевропейское заворачивание гаек — оно уже случилось в Австрии, случится и во Франции, и в России. Это и есть расплата за годы лицемерия. Во Франции — особенно губительного.

— То есть Ле Пен — это закономерно?

— Они забыли, что там происходило в сороковые годы; просто — забыли. Вы, например, знаете о том, что де Голль — ставленник Петена, который был вдобавок крестным отцом его сына? Петен, да, коллаборационист, который Францию сдал. А Миттеран в предательском вишистском правительстве шестеркой бежал. Они, конечно, спасли Париж от бомбардировок и все такое — но это было крупнейшее предательство в истории Европы.

— Ну хорошо, а Сопротивление?

— Сопротивление только собирало информацию и писало листовки, а все истории про то, как они поезда под откос пускали, оставьте кинематографистам. Там вообще занятые дела делались, во время оккупации Парижа. Вы знаете, какое объявление висело на здании гестапо? «Доносы русских друг на друга не принимаются». Потому что все русские тут же разделились — многие верили, что вот наконец являлся сила, которая опрокинет большевизм, — и кинулись друг на друга доносить. Это все родная привычка дружить против. Насчет того, что французы евреев прятали — тоже миф: как прятали, так и сдавали. Последний вагон в поездах метро все годы оккупации Парижа был еврейский, и какой-нибудь Жан, поговорив с Франсуа, спокойно шел в свой третий вагон, а Франсуа отправлялся в четвертый. Политкорректность — это как раз форма такой национальной амнезии, когда нация кое-что вычеркивает из своей истории. Ну, а если вы вдесятером стоите на остановке, а у вас на глазах бандит насилует девушку, — это все равно как-то откладывается в душе, даже если потом приходит герой, спасает девушку, прогоняет бандита и всем вам навешивает медали...

Франция стала страной с самым низким приростом населения. Франция стала самой неработающей страной — тридцатипятичасовая

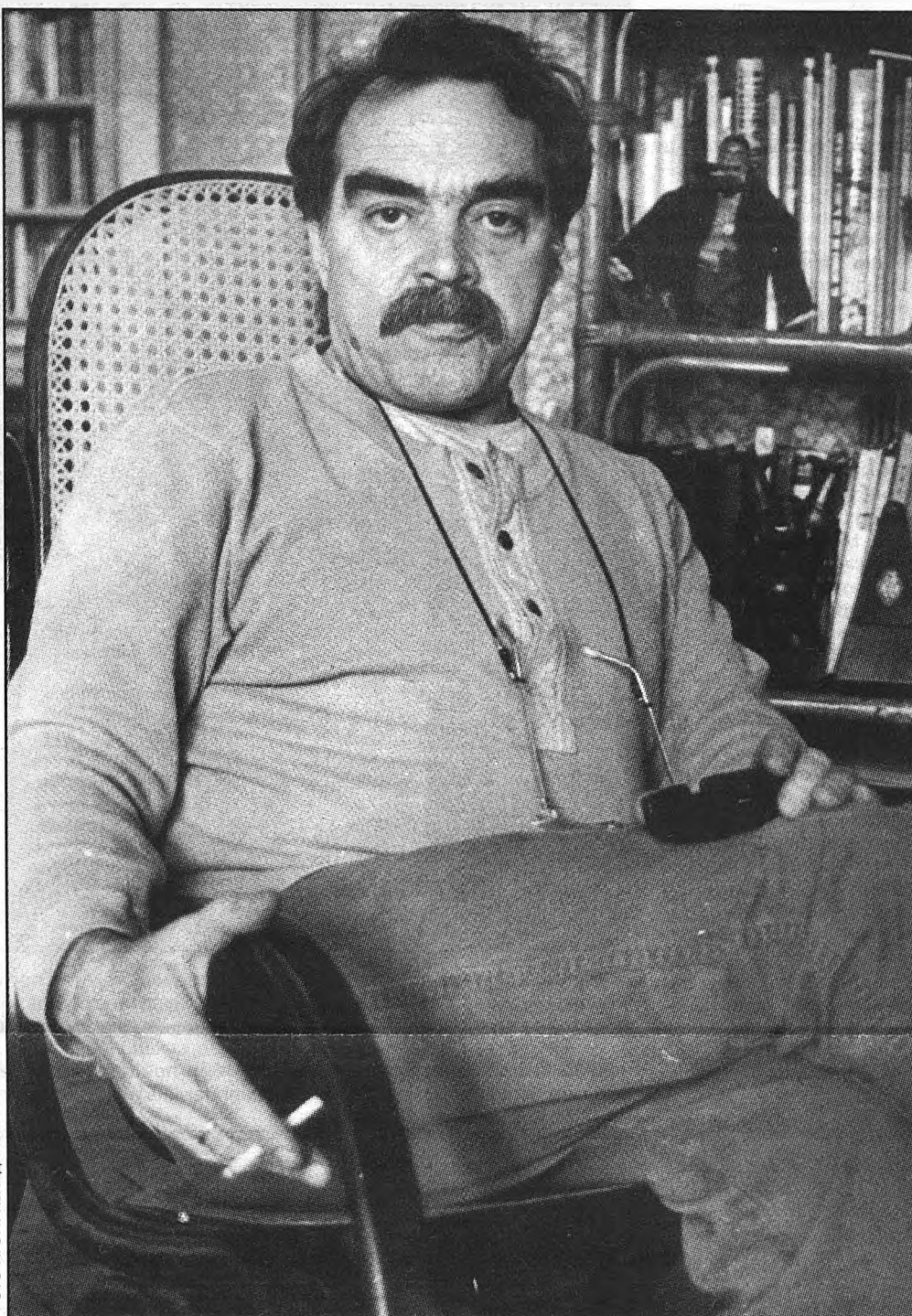

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

Человеку, который не знает Адабашьяна, я мог бы долго объяснять, кто это такой. Получился бы фантастический и далеко не исчерпывающий перечень: художник кино, режиссер, актер, преподаватель, сценарист, пейзажист, оперный постановщик, активный соавтор первых семи картин Никиты Михалкова, Бэрримор, «Азazel»... Главное все равно ускользает. К счастью, людей, не знающих Адабашьяна, в России практически нет. И это избавляет нас от необходимости говорить искреннее, но выпендренное банальности вроде «универсальный талант» или «воплощенный артистизм».

вая рабочая неделя, причем француз не пойдет работать в каменщики. Ему это, по-французски говоря, *zapléau*. В каменщики идут алжирцы. Коренное население тем временем медленно вырождается — я все время думал: где же те французы, о которых Мопассан написал, что они прежде совершают поступок, а потом думают? Где те женщины, помешанные на любви? Всего этого давно нет. Теперь это надоело им самим. Ведь нельзя, в самом деле, все время врать, не замечать очевидного... Вот у меня есть приятель, кинематографист, интеллигентный французский еврей. Он очень неодобрительно относился к нашей политике в Чечне, а в Израиле, когда проездом там побывал у родни, обругал правительство — еще до Шарона, — за то, что они плохо поступают с арабами... «Знаешь, — говорил он мне в удивлении, — почему-то те родственники со мной поссорились». Его это очень удивило! Он приезжает с билетом Париж — Тель-Авив — Париж, осуждает родню за неуважение к арабам, которые каждый день взрывают кого-нибудь на улице, — и уезжает в свою столицу мира, где при всей своей политкорректности никогда не зайдет вечером в арабский квартал.

— Значит, вы не осуждаете наши действия в Чечне?

— Наши действия в Чечне — это неизбежность. Это часть третьей мировой войны, которая давно идет. Причины всякой войны иррациональны, как это замечательно показано у Толстого. Эта война вызывает во всем мире посильное закручивание гаек — отсюда успех правых в Австрии, Голландии и Франции.

— Закручивание и в Штатах уже началось.

— В Штатах оно началось давно. Такой свободы, как у нас в девяностые, там не было сразу. Прекрасный фильм «Хвост виляет собакой» там благополучно не получил проката, и ни Де Ниро, ни Хофман, отлично там сыгравшие, не поехали жаловаться в Конгресс. Просто им сказали: «Не нужно». Они: «Почему?» Им: «Есть мнение». И все. И никакой тебе демократии.

— Я недавно узнал, что вы тратите массу времени на преподавание на высших режиссерских курсах. Они еще существуют?

— А как же, обязательно. Я только что оттуда приехал, играю в отрывке, который ставит моя же ученица. Это страшно интересно все. У меня группа из шести человек: всем около тридцати. Есть театровед, писатель, музыкант — в общем, все уже что-то умеют и теперь захотели выучиться кино. Я учу их по старинке, очень просто, с азов. Нас в Строгановке прежде всего приучали к хорошему рисунку:

ку: сначала с гаммами разберись, а потом играй Хиндемитта...

— Есть фильмы, которые вам в последнее время понравились?

— Есть фильмы, которые я хотел бы посмотреть. В первую очередь «Звезда» и «Война».

— Балабанов вам нравится?

— Это не мое, сколько я могу судить по «Братьям» и «Про уродов и людей». «Уродов» даже не досмотрел. Я не стану говорить, что это плохо, но для меня существуют табу... В Европе есть такая практика — устраивают встречи молодых сценаристов с более опытными, с режиссерами, продюсерами, обсуждают заявки, сценарии... Арендуются для этой цели огромный замок, я поражен был его размерами и комфортом. В сортире камин — можешь в процессе смотреть на огонь... И вот там мне досталось с одним молодым драматургом обсуждать его заявку — комедия в духе Тарантино, но несколько черней. Сплошные убийства, причем весьма циничные. Я понял, что обсуждать это с ним попросту не способен: это все равно, как если бы предложить правоверному еврею в шаббат прочитать проповедь о пользе свиных отбивных. Я так и сказал этому молодому человеку, — он посмеялся, и мы расстались лучшими друзьями. Потому что я не призываю ничего запретить — я просто хотел бы, чтобы существовали известные ограничения. Внутреннего порядка, конечно.

— Что за проекты были у вас в Италии?

— Там были две картины с Джакомо Кампиотти — он получил за эти фильмы несколько европейских призов, вскоре его заметили и позвали на «Доктора Живаго», которого он сейчас и ставил в Англии, иногда звоня проконсультиваться. Впрочем, судя по безнадежному тону этих консультаций, сделают все равно не так, как бывает в России, а так, как написано в сценарии. Написал его какой-то очень маститый англичанин. Фильм — огромный проект со звездами, не знаю, как Кампиотти из этого выйдет. Надеюсь, что с честью. Человек он милейший. Благодаря ему я выучил итальянский — по-французски он знал только слово «Je». Объяснялись мы сначала с помощью рисунков, песен и танцев. Приходилось изобретать немыслимые ухищрения: скажем, я не знаю, как по-итальянски «мышь». Приходилось говорить «противоположность коша».

— Слушайте, а как отлично было бы сделать русского «Доктора»!

— Да, неплохо. Вообще хороший фильм о русской революции не помешал бы. Но хороший — дорог.

— Да почему?! Разруху снять... руины...

— Чтобы руины смотрелись, нужен фон. Дворцы. Например, Архангельское, в котором проживают Троцкий с супругой. Потом там был военный санаторий.

— Я и не знал, что он жил в Архангельском...

— Эти господа ни в чем себе не отказывали.

— А Ленин?!

— Ленин был несколько другой случай, хотя Горки, как вы понимаете, — тоже не родовое его поместье. Ленин был одержим жадностью власти, никакого коммунизма в виду не имел и мечтал сделать из России нормальную прагматичную буржуазную страну — так мне представляется. Он и сам был не пранк, разумеется, — жестокость его чудовищна даже по российским меркам, — но те, кого он разбудил, были хуже. Это были по большей части беглые каторжники. Один из них сказал: э, ара! Что такое, слышай? Какой НЭП? Да и сами вы что-то плохо выглядите... И пришли, и сели, и правили семьдесят лет, пока не выродились.

— Есть сейчас история, которую вы хотели бы снять?

— Я не хотел бы часто снимать... Вот та история про Ренуара, если бы получился фильм, — могла стать хорошей. Это чистый вымысел. Там ведь, знаете, появление паровоза стало небольшой социальной революцией: раньше за город могли выбраться только те, у кого хватало средств на свой экипаж. Теперь это стало доступно всем, и Париж хлынул в леса и парки. Самым модным занятием стала гребля, любимое развлечение Мопассана и почти всех импрессионистов. Я описал зарождение и постепенный распад одной такой компании. Два часа перед нами происходит бурная жизнь, с любовью, смертями, ссорами. И вот из этого получилось искусство, каковой сюжет и кажется мне самым интересным.

Встречался
Дмитрий БЫКОВ